

84(2Рос=Р4с)6
к р 98

Ирина Рябий

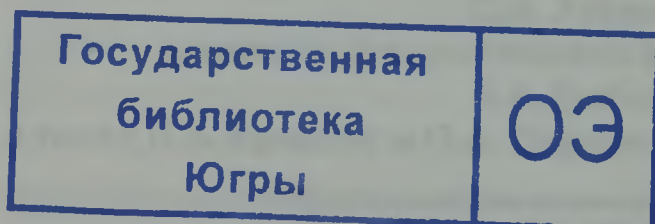
Обратная
перспектива

03

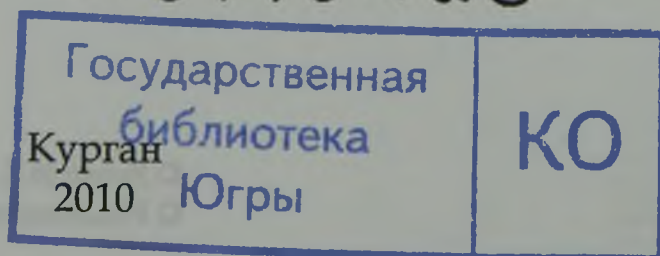
Ирина Рябий

Сборник
стихотворений

- 0146426 -

ББК 84(2Рос=Рус)6—5

Р 98

Рябий И. Г.

Обратная перспектива: Сборник стихотворений. — Курган: Издательство «Зауралье», 2010. — 124 с.

ISBN 978-5-87247-535-4

© Рябий И. Г., 2010

© Издательство «Зауралье», 2010

Автор выражает благодарность
за содействие в издании книги
коллективу ОАО «Ханты-Мансийский банк»
и лично президенту
и председателю правления банка
Д.А. Мизгулину;
а также тем, кто принимал
участие в её обсуждении,
членам Союза писателей России
В.М. Волковцу, С.С. Козлову,
С.А. Луцкому;
кандидату филологических наук
Т.А. Глебович;
а также И.В. Булатову и О.А. Перетяцько.

В СУЩНОСТИ...

Поэтическая книга «Обратная перспектива» содержит духовную поэзию. Не в том смысле, что она как-то особенно духовна в ущерб всему остальному, нет. (Как раз с признаниями причастности к жизни, какой бы она ни была, здесь всё в порядке.) Она является духовной поэзией потому, что автор, ясное дело, религиозен и делает свою религиозность сквозной темой, а также потому, что в книге хорошо ощущается традиция, восходящая к мирскому духовному стихотворству разных изводов. В ней есть отголоски старых поэтических переложений Псалтири, некрасовского «Бога Гнева и Печали», рукодельной религиозности в поэзии недавнего прошлого века.

Обзор основных мотивов в этом случае был бы самым простым решением, но, кажется, не самым верным. Гораздо важнее услышать, о чём Ирина Рябий

говорит в сущности. Она, в сущности, всеми этими стихами и их как прямыми, так и обратными перспективами говорит о том, что попытка быть молитвенно серьезным, провидчески одержимым и неустрашимо вовлеченным в жизнь, пожалуй, еще никому не удавалась как практика, но, может быть, возможна как поэзия и как ирония. Сетование на время, Святая Русь, всякие там чичиковы и чубайсы, вольтеры и платоны и даже антихристы для этой темы – лишь набор более или менее остроумных (или, метафорически, более или менее неточных) смысловых рифм. Хорошая, поэтически крепкая ирония всякий раз возникает там, где поэт прикасается к основной теме:

*И я десницею крещусь семь раз подряд,
А шуйцей поправляю свой наряд.*

Это апокалипсис, который притаился в продуктовой сумке и в бутике, но не

прочь иногда испугать своими классическими проявлениями, и ему, насколько можно судить, не вредит такое совмещение обликов. Да и нам, читателям, не стоит особенно тревожиться: плачущий Бог поэта хоть и сердится, но уже простил нам наше детство.

Лично мне (должно же быть что-то лично мне, если уж мне позволили со своим словом вылезть вперёд) очень нравится вот это:

*Зачем ты стал травой
наперекор Творцу?*

Так нравится, что хочется ответить и продолжить, но пока ещё не придумал как. Если книга вызывает хотя бы у автора предисловия такое чувство, то она есть. «Если хочешь читать далее, сам стань письмом и сущностью» (Ангел Силезский). Ответим немецкому Ангелу словами Ирины Рябий: «как труден подобный почин...».

*Павел Толстогузов,
доктор филологических наук*

КЛЮЧ К СМЫСЛУ

Обычно к так называемой «женской поэзии» поэты-мужчины относятся весьма снисходительно.

И хотя русская поэзия знаменита именами великих поэтесс, некоторые стихотворцы, открывая «женский» сборник, заранее кривят губы в снисходительной улыбке: «Ну, посмотрим, дескать, что «наваяла» очередная домохозяйка: опять несчастная любовь? розы-слезы? кровь-морковь?»

Спешу предупредить читателя заранее: друг, сотри с лица снисходительную улыбку!

Сборник, который ты держишь в руках, далек от обычных «дамских» недостатков.

Написан он, во-первых, не домохозяйкой (если понимать это слово как иронический синоним глупой дамочки), а умным и очень образованным человеком, во-вторых, многим «мужским» сборникам он может дать фору по глубине мысли и множеству смыслов – и всё равно обгонит их.

Главная особенность сборника – именно та, что он написан умным, а не только поэтически одаренным человеком.

«Женщина не может спастись, – говорила египетская подвижница амма Сарра, – если не стяжет мужского ума». «Мужской ум» в данном случае – это не какая-то суверенная принадлежность мужской природы (иначе спасались бы только мужчины). Нет, таким термином раньше называли способность подвижника подчинить уже исцеленному христианством разуму еще неисцеленные хаотические движения чувств и страстей. К сожалению, в наше время этот термин устаревает. Все больше мы видим мужчин, поступающих не по велению разума, долга или совести, но по влечению собственных похотей, – так что, боюсь, скоро наступит момент, когда женщины в массе своей будут поступать мужественно и разумно, а мужчины – инфантильно и женственно.

К сборнику Ирины Рябий определение «мужской ум» подходит если не вполне, то в главной своей части.

Вот яркий пример – не всякий читатель мужского пола сразу поймет, что означает название сборника «Обратная перспектива». Да, кое-кто наверняка слышал, что это понятие взято из терминов, описывающих каноническую православную иконопись.

Но при чем «иконопись» – и поэзия? Разве Ирина Рябий – иконописец?

И только человек, знающий духовный смысл «обратной перспективы», ее символическое значение, поймет, почему автор избрал это название для своей поэтической книги. Дело в том, что обычная живописная перспектива уводит человека вглубь картины. Это очень легко понять, если мы посмотрим на пейзаж с уходящими вдаль и соединяющимися на горизонте железнодорожными рельсами. Такая картина зовет нас во вне, в дальнюю дорогу, уводит взгляд наш и саму душу нашу к дальним горизонтам.

Душа как бы призывается узнать что-либо через такую перспективу: что там – в тех дальних пределах?

Между тем, чтобы обрести смысл жизни, чтобы найти Бога, человеческой душе нужно не вдаль стремиться, а вернуться в самое себя.

«Царство Небесное внутри вас есть», – сказал Господь в Евангелии.

Именно поэтому классическая, каноническая православная иконопись не вдаль уводит человека, не зовет за горизонт, а возвращает взгляд человека к самому себе, ус-

тремляет духовный взор его в собственную душу, чтобы он, наконец, догадался, что все те лики святых и образы Царствия Божия, что он созерцает на иконе, на самом деле расцветают в его собственной душе, когда он всем сердцем решительно и горячо устремлен к Горнему.

Поэтому сборник «Обратная перспектива» и назван так, что представляет попытку поэта вернуться в глубины собственного «я» – от внутреннего «раскола» (не зря так называется первая часть сборника) и мирской суеты к внутреннему, глубокому христианскому миру. А ведь это только размышление о названии сборника. Пусть поверит читатель – что если он задумается над внутренними смыслами стихов Ирины Рябий, то не пожалеет о потраченном на чтение времени.

Священник
Димитрий Каплун

РАСКЛАД
РАСКЛАД

Не обманывайтесь:
Бог поругаем не бывает.
Что посеет человек, то и пожнет.
(Гал. 6:7)

Когда от веры русской отrekliсь
И вышли в путь, надеясь на «провидца»,
То заплутали, вспомнили молиться, –
Но позабыли слов священных смысл!..

Какая пустынь усмирит наш век?
Какая боль грехи искупит наши?
И нам не миновать уже сей чаши...
О, Господи! И Ты был Человек!

Раскол

«Ах, дети бесовы, не вемо, что творят:
Россию светлую врагу продать хотят!» –
Так Аввакум, ревнитель старины,
Неистово ругался из тюрьмы.

Я Никона грешнее во сто крат,
Хотя люблю старинный наш обряд,
Но как далек обычай тех времен
От нынешних привычек и знамен!

Носить священник джинсы не велит;
И в книгах – ересь, и в картинах – стыд.
Сожженный заживо за веру без новин,
И протопоп все то же говорил:

«Все веды прямо служат сатане –
Одним смирением
жить можно на земле!»–

И я десницею крещусь семь раз подряд,
А шуйцей поправляю свой наряд.

Сон золотой

*Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой*

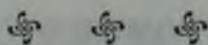
Беранже

На Красную площадь –
красней нет на свете
От кровушки русской
(не хватит морей) –
На Красную площадь
по скользкой планете
Текут пилигримы сюда,
в мавзолей.

Так вот ты какой,
наш отеческий гений,
Ты, знавший, что делать,
и общий исход,
На карту поставивший
жизнь поколений,
Российский мессия,
сулитель свобод!
Ты щедро делился
кремлевскими снами

И сны золотые
поныне глядишь,
Очнись, посмотри,
что случилось-то с нами:
Где сон, а где явь –
как теперь отличишь?

Идут, как сомнамбулы:
люди – не люди?
Как время, застыл
у ворот часовой...
А кровь все течет...
Кто безумцев разбудит –
Нарушит всеобщий наш
сон золотой?

Новые близятся сроки –
В воздухе зреет гроза.
Где вы, святые, пророки, –
Слепнут без света глаза!

Где вы пророки, святые? –
Время настало смут:
Снова друг друга слепые
В страшную бездну влекут!

Письмо Николаю Васильевичу Гоголю

Я Вас прошу, ведь сон Ваш неглубок,
Смертельной ночь, нависшая над веком,
Очнуться Вам,
 чудесный странник света,
Распутать исторический клубок.

Никто-никто не знает, как и где
Найдутся силы, чтобы нам подняться,
И горько сознавать себя на дне,
И поздно о прошедшем сокрушаться...

Ах, Николай Васильевич, потом
Досмотрите свой сон прелестный...
Вы дописать должны сожженный том,
Чтобы Россия светлая воскресла!

17

-0146426-

2 Заказ 118

Государственная
библиотека
Югры

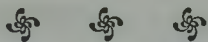
КО

Русскому рассеянию

Милые, далекие, родные –
В непогоду вы в края чужие
Залетели – в клетке оказались...
А на родине от вас-то отказались...

Оборвалась связь времен: потомки
Покидают дом в обмен на блага, –
Не впихнуть страну
 с тряпьем в котомки! –
Хоть с лукавым слажена бумага.

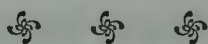
Чувство родины – неведомое чувство, –
Как в глазах отцов мы пали низко!
Потому сегодняшнее грустно, –
Лишь далекое мне дорого и близко!

Не пируют давно олимпийские боги
И не шлют сыновей

к нам на подвиг и бой, –
Все глядят, как Сизиф,
сбивший до крови ноги,
Катит на гору камень опять пред собой.

Так, подобно камням,
век стремится за веком
Из сизифовых рук
с непреклонной горы,
Повторяя бессмысленный
путь человека,
Над которым безглавая Ника парит!

О, русская наша земля,
разве ты за холмом?
Где твоя красота?
Пуст и разграблен
наш дом.
Черная тьма забот
нам заслонила свет.
На мразь и на татей, зная,
богатырей-то нет!
Скудная, словно степь
на миллиарды верст:
В озерах не то чтоб рыб –
нет отраженья звезд...
Ты ли, моя страна,
ты ли Россия есть?!
Зная, ты Россия и есть,
коли враги не спят,
Думая, что б еще
можно отсель унести,
Зырякая, где б еще
можно сокровищ взять!

Кто не успёл,
кому злата и серебра? –
Глупое воронье:
простерло свои крыла? –
.....
Не вынести вам вовек
русской души щедрот,
Духа наших святынь, –
тем лишь богат народ!

Русский характер –
крепость и крест,
Крепость и крест,
хоть и степи окрест:
Крепость к земле,
и к нужде, и к беде,
К холоду в доме,
и к скудной еде,
К бабе сварливой,
к пустой голове,
К праздникам древним,
к чинам и к тому,
Мучает кто,
словно черти в аду.
Нож на глаза попадетсЯ –
и хватъ:
Изверг на небо,
и мученик вспять.
Снова мучитель,
и снова терпеть –
Крест целовать
и акафисты петь.

В сиянии лунном

Мчащийся поезд в сиянии лунном
И не захочешь – увидишь в стекле...
– Правду? – И правду!

Вот только какую? –
С мертвым Людмилу вдвоем на коне...

Или, как дядя рассказывал Ване,
Горькую правду, что вынес народ...
Только не вынес он, знаете сами,
Эту дорогу.
– И та – заведет!

– То-то оно, а мы едем, все едем,
Станций все нет, а быть может, того...
– Слышали, поезд такой есть на свете –
Сквозь времена, как писал Гумилев...

– Вон, за окном, параллельно нам мчится...

– Это вам снится.

– Да кто там?

– Вне нас

– Жизнь наша, видно, отстала, стучится...
Слышите стуки.

– Не слышно сейчас...

– Видите: тройка, и пение – слуша-й!
И замерзающий в поле ямщик,
– И... для чего-то скупающий души
Чичиков к нам присоседился вмиг!

– Нет, то Чубайс.

Так и смотрит нахально.

Так и вцепляется рыжий-то глаз...

– Это ж луна. Рассуждая астрально...

– Продали, суки, Россию и нас...

– Это не так – торгует он газом!

– Газом травили фашисты – заразы! –

Правда, бывает, взрывается газ!

– Эх, и раздолье какое, однако,

Кажется, храм?

– Да откуда он здесь?

– Слава те, Господи, что не собака

И не свалившийся под ноги бес!

- Ближе, глядите, как будто-то особа:
 - Боже! Царица Небесная? Ты ль?!
 - Видите?
 - Видим, но только ковыль,
 - ...Да за пригорком сияние словно...
 - А над гробами читают канон,
 - В память разлей!
 - Се – единая чаша!
 - А во гробех-то мы спим
 - мертвым сном.
- И не имеем, Владычица наша,
Иные мы помощи, кроме Твоей!

В широте беспредельной,
От обид опустевшей,
Пребывают нетленны
Во земле нашей грешной
Мощи воинов павших,
И святых, и блаженных,
Только подвиг и знавших,
Ради жертвы священной...

.....

По российской вселенной
Бродят толпы туристов, –
Пожирателей зрелищ, –
Меряют взглядом, как пристав,
Что вовек не измеришь...
Им сокровища снятся –
В такт рассказам кивают
И хотят удивляться,
И устало зевают.

И услышав про Бога,
И узнавши про чудо,
Спросят: «Можно ль потрогать? –
И купить бы не худо...»

Марьюшкин крестик

На Ивана-купала
Марья купалась,
Рыбкой плескалась
Да крест потеряла
На желтых песках,
В густых камышах.

Креститель Иван
Восстал на Купалу:
«Ты – идол усатый,
Ты – змей подколодный,
В день твой негодно
Народу креститься,
В день твой – топиться!»

И богу взмолился,
И долго молился,
Чтоб люди забыли,
Навеки про страсти...
Чтоб реки залили,
Людские напасти.

А Марья-Моревна
Да с Ваней-дружочком
Все тропки стоптали –
До утра искали
Крест под кусточком...

Марья срывала
Папоротник сице,
И ворожила
На брата сестрица:
«В костре – огонь,
В реке – вода,
Иван да Марья –
Кровь одна!
Камень Алтырь
Лежит на месте,
Но никогда не бывать нам вместе!»

Сердце иссушит желтый цвет,
Синий – зальет слезами свет:
Иван да Марья в цветке воскресли,
А под цветком-то Марьюшкин крестик.

Телесность

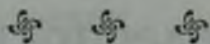
Скорее бы петел пропел,
Но темень все гуще и круче,
Зато очертания тел
В ней проявляются лучше:

Ильич в мавзолее встает
И в Кремль на собрание важно
Идет между папок бумажных
И руки бумажные жмет.

Не глядя на сохнувших дам,
Чиновник с подругой-шинелью,
Бредет, задыхаясь «шанелью», –
Не женщина это, а вамп!

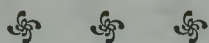
Фантом обращается в вещь,
И тень обретает телесность,
Имеет неслыханный вес
Обман, получивший известность.

Уж петел пропел, и не раз,
Но все остается на месте:
И к свадьбе банкноте-невесте
Босс дарит промышленный газ...

Не пришли избранники на пир,
И призвал Христос обычных смертных,
Дабы обрели свободу смерды,
Пригубивши крови из потир.

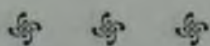
Он зовет к себе нас и сейчас,
Убежать от дел и сладкой неги,
И отречься еретичных бредней,
При дверех считая каждый час.

В заботах о хлебе насущном
Забудем и хлеб и Того,
Кто нам посылает его,
И в чем его главная сущность.

А если и вспомним когда,
Замедлив свой бег на минуту,
То скажем: «То бес нас попутал,
Да некогда думать – дела!

Быстрее успеть – это значит,
Успех! И раскаты трубы...»
А Он только смотрит и плачет:
«Как дети, однако, глупы!»

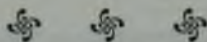
Спят цари в усыпальницах древних,
В храмах – тех, где не служат уж век –
Не осталось сограждан, им верных,
Да в Москве сейчас редок и снег!

Изменилась вся жизнь, изменила
Распорядок на русской земли.
И молитв благодатная сила
Позабыта. Не спите, цари!

Вы вставайте, вы в колокол бейте,
Вы сзывайте на подвиг народ,
Вы в казну монастырскую лейте
Больше царских доброт и щедрот.

Заградите границы от бесов –
От развратных и наглых ворюг,
Иностраннных лихих интересов,
От потоков, пожаров и вьюг.

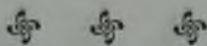
Ну а те, кто торопится хапать,
Тем дорога пусть будет легка –
Не нужны вам предатели, хватит!
Настежь им отворите врата!

Мы предали царя, – отрекся он от нас –
Распалась цепь времен,
и атом стал делим!

И предали предатели не раз
Отечество и друга, иже с ним...

И уверяли: «Льется кровь не зря!»
Да, кровь лилась в расплату за царя...

Расти травой в лесу,
 бездумно созерцая
Свет неподвижных звезд,
 качание деревьев;
Внимать чужим речам,
 их смысл не замечая,
О чем щебечет дрозд,
 зачем ручья напев...

Стремиться к солнцу в высь,
 и жухнуть под лучами...
От жажды умирать
 и под дождями гнить,
Безропотно страдать
 под тяжкими стопами
Судьбы, и просто
 чьим-то кормом быть...

Не так ли человек:
 растет, цветет и вянет;
Любовником слепым
 он ко тщете приник;

В заботы погружен,
он на небо не взглянет:
Свет неподвижных звезд –
зачем ему они?

И гений, и гордец
не лучше, чем растение:
Свершая тот же круг,
спешишь всегда к концу.

.....

Для Господа ты есть
венец его творенья,
Зачем ты стал травой
наперекор Творцу?

Когда стою на службе в храме,
То кажется: за нас, глухих,
Горят слепящими свечами
Молитвы ликом золотых

И их горящие молитвы
Восходят тихо к небесам,
Чтоб духи ада без ловитвы
Земной оставили бы храм.

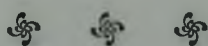

Как незаметна грань
 между «вчера» и «завтра»,
Когда закат или восход чисты...
У каждой ночи может быть свой автор,
Как в новогодней – елка и часы.

Какая разница между листком на ветке
И тем листком, что я сейчас сорву ...
И как узнают, спрашивая ветер,
Где правда, а где я совру?

Где грань всего? –
 и в чем секрет судьбы? –
Не виден переход, но всё переменится
Здесь, на земле, а там,
 где нет ни капли тьмы,
Прошедшее пребудет вечно длиться:

И будем лгать, страдать
 и злиться, злиться...
И знать, где грань,
 но изменить, – увы...

Октябрь наступил: нерадостна картина:
До снега далеко. Качается рябина,
Роняет листья. Ягод – нет давно –
Наверное, склевало воронье.

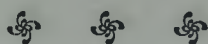
Мой день рожденья близок, и тревожно –
В России снова осень – осторожно:
Готова жатва. Жнец лишь часа ждет.
И хорошо еще, что дождь пойдет,
И утолит едва его алчбу,
Твердя при этом горестно «бу-бу» –
Дельфийский код, а в нем судьба сама:
Подумай, для чего ты родилась?..
В России осень – впереди зима!
И вот уж завтра снег покроет грязь...

Что сделаю я, когда на экране
Появится черт в элегантном костюме
Или столкнется на лестнице с вами
И скажет, что люди уже не спасутся,
Что мир на краю карамазовской бредни:
Топор на орбите – и звезды трясутся?

Что сделаю я, если как-то в июне
Встречу судьбу в виде черного смерча
И, вечером с губ отирая помаду,
Почувствую вкус отвратительный
смерти –
Бессчетной песчинки пустыни Невада?

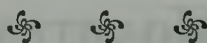
Я – та же песчинка Невады, ГУЛАГа ль,
Орудие мести чертовской затеи,
Кого так заботит всеобщее благо...
Я ж над вопросом одним каменею:
Что сделаю я?

Здесь каждый цвет
 не схож с цветком другим,
Земные твари все:
 и люди, и растения
Имеют каждый облик свой;
 и поколения,
И каждый миг –
 здесь так неповторим!

Желая быть Творцом,
 ты жалкий копиист,
Под трафарет
 свои узоры чертишь,
Твоим потугам радуются черти,
И в черных ссадинах
 вчерашний белый лист.

С конвейера сойдет станок и клон,
Поднимутся вершить
 с судьбой расправу.
Превыше Бога чтя права, закон и славу,
Мир к гибели помчится под наклон...

Никогда никуда не уеду –
Зарубежных не нужно чудес:
Если кто-то и держит планету,
То Россия – единый наш крест!

Не хулите ее за убогость,
Неумение делать дела.
Не к лицу вам иконная строгость –
Не рассудком Россия права.

Но молитвой пропойцы-бродяги
Возгорится огонь алтаря,
Но трудами Ивана-бедняги
Да удержится наша земля!

Молитва

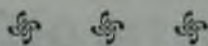
Дай, о Боже, мне слова живаго,
Вразуми и водителем будь,
Не для славной молвы или блага
Укажи мне единственный путь...

Чтоб устами, послушными Богу,
Я б служила России моей –
И покров Богородицы чтобы
Уберёг её дерзких детей.

В УГОД

Входите тесными вратами, потому что
широки врата и просторен путь,
ведущие в погибель, и многие идут
ими; потому что тесные врата и узок путь,
ведущие в жизнь, и немногие находят их
(Мф. 7: 13-14)

Мы сами загоняем себя в угол
Законов жалких, мнений и проблем.
Нас жжет страстей немилосердный уголь
И раздирают сонмы нас дилемм.

А оглянитесь: все, что миновало,
Так жалко, так ничтожно мало!

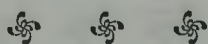
Чтоб только не думать,
Не слышать, не видеть,
Что все перед тобою – дерьмо,
Есть водка, есть карты,
 и женские штучки,
И, наконец, кино,
А есть еще чаты,
Исчадие ада?
Нет, что вы, все проще – окно!
Когда вы патлатый,
 прыщавый бездельник,
На улицу вы не ходок,
Купив себе комп,
Вы освойтесь недельку,
А там пролетит и годок...

Початимся, мой друг, початимся,
Потрепемся, почешем языками-то...
И с ямщиком до Питера докатимся
Почтим почти чужих правителей
на саммите,
Как антиглобалистиы это делают,
Устроим этим летом хэлуин!

С тобой, братан, мы чада отчуждения, –
Так давеча сказал сосед подвыпивший,
И потому устроим воскресение –
Обмоем виртуально зуб мой выпавший
Не просто так, а в рыцарском сражении...

И матом поругаемся, друган,
Разворотим осиный сей кагал!

Наследники беспамятных времен,
Больного века порченные гены,
Мы без отдачи в жизни все берем,
От наслаждений пухнут наши вены!

Мы не хотим особых перемен,
Нам наплевать на игры в высшем свете,
Но скажут нам предать кого в обмен
На рай земной – сдадим и тех, и этих...

Писать стихи – удел больных чумой,
Тех, кто достойно жить не в состоянье...
Пусть муравей спешит с бревном домой,
Кузнечик же веселый – на свиданье.

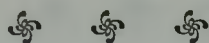
Нас время обмануло: как легко
Мы шли навстречу невским переменам –
Нас всех самоубийственно влекло
Ниспровергать основы у вселенной!

Рабы не мы! – орала матросня, –
И вешала господ на реях гордо –
Так началась великая возня,
Иль самоистребление народа.

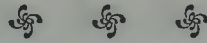
Нас обмануло время вновь, – и те,
На тесных кухнях читанные книги,
В которых говорилось о тюрьме
Народов и свободе индивидов...

Нас обмануло время и тогда,
Когда за ваучер страну распродав,
Мы верили: взошла она, звезда
Пленительного счастья, – свобода!

И вот горюя, злобою горя,
Мы осуждаем всех и вся приватно:
Аж целый век прошел впустую, зря –
И в этом время было виновато!!!

О, если б мог, младенец рассказал
Как мама ходит вниз лицом
и говорит «агу»,
И лампа светит чем-то белым на полу,
И папа потолок топтать устал,
И на кровать упал и смотрит в уголок,
А там – бедлам; младенцу невдомек,
Пройдет денек, потом другой за ним,
И мир перевернется вместе с ним:
Все встанут на ноги, и дальние деды,
Что были впереди, потянутся назад...
Мир перспективным станет, и азарт
Его захватит, а потом труды –
Залезть бы в ящик, что смотрел отец,
И стать блестящим, словно бубенец...
Ну а пока
Он просит маму кушать молока
И видит: ангел там, на облаках,
Благословляет пальмою в руках, –
И радостно ему в ответ: «Уа!»

А если в том углу висит икона,
То искажается пространство в том доме:
Не по законам физики знакомым,
А по чудесным свойствам. Не могу
сказать, что чудо не реально –
И что никто его не видел натурально...
Ведь то, что мы живем на этом свете,
Что солнце нам, помойным, еще светит,
И мир стоит, пока, что не исчез,
И есть действительное чудо из чудес!

А что в итоге каждый понесет
Творцу на суд – всю городскую свалку!
Грехов, которым и потерян счет,
Пустых желаний? Расспроси гадалку:

Что ждет любого – дальняя дорога,
В один конец от отчего порога.

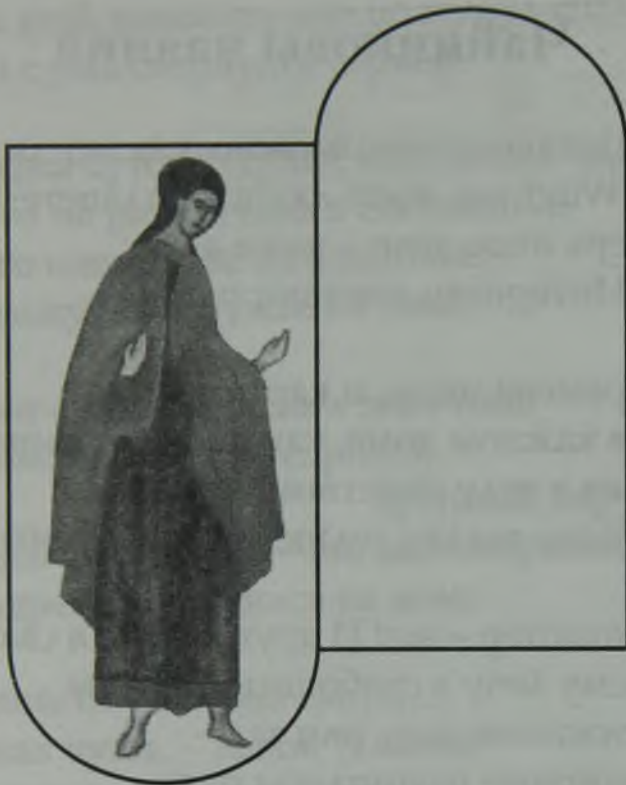
В этом мире разумном,
Где нет зла без добра,
Словно в мусорной урне,
Я алкала зерна.

Кто ты, ангел? Кто дьявол?
Ночь и день – близнецы,
В нашей сумрачной яви –
Все святые отцы.

Ночь идет – и сияет
Реклам суета.
День встает, уставая
Уже сам от себя.

Дьявол снова у власти,
Просит нимб напрокат, –
Для всеобщего счастья,
Не жалея затрат.

Где ж ты, новый апостол? –
Старый кончился век:
Смотрит черный философ
Из-под ангельских век.

МОЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЯЩИК

«Сказал также Иисус ученикам:
невозможно не придти соблазнам,
но горе тому, через кого они приходят;
лучше было бы ему, если бы мельничный
жернов повесили ему на шею
и бросили его в море, нежели чтобы он
соблазнил одного из малых сих».
(Лук. 16: 22–17)

Чайниковы чаяния

Представить невозможно: как могли
Без Windows жить люди на планете?!
Теперь иное дело – даже дети
По Интернету шастают одни.

И времена иные, и картины:
Он в каждом доме, как икона раньше,
Стоит в углу почетном, о реванше
Мечтает только телик: стой, кретины!

Компьютер – все! И друг, и брат, и сват...
К нему лечу в свободные минуты,
Отсиживаю ногу или зад –
Всемирные распутывая пути.

Как чайник, чай на про запас храню,
Зато иную жидкость цвета хаки
Глотаю с наслаждением, вот хакер,
Тебя я в степь метельную сманю...

Тебя, Билл Гейтс, я заведу на север! –
Но ба! Что в ящике моем? – бедлам!

Иль geek какой-то мне подсунул спам,
Или с ума свернулся сервер:

Сережа-сутенер сулит мне бизнес-класс,
Учеба на разведчика в спецшколе,
Всего один сеанс от алкоголя...
Антижучки, оружие на заказ...

И вот среди почтовых этих тонн
(Возможно, что внедрился
вредный вирус)

Шмыгнула мышь – письмо открылось –
И адресат означился на нем:

Ирине от Платона скоро...
Какая чушь, – какой Платон?
Не тот ли, что за тем углом,
А далее античным хором:

Вальтер, Руссо и даже Гёте...
Имен известных здесь не счесть.
Ну что ж, попробуем прочесть... –
Есть разгуляться где зевоте...

Письмо к женщине, проживающей в стране гипербореев

Хоть не гетера ты, не дочь богини, все ж,
Живешь ты в полисе,

что с нашим чем-то схож

(И варвары бывают даровиты –
Увы, им служат наши, местные хариты!

Им боги ведомы,

в чести вся наша знать...)

Так вот, пишу к тебе письмо, Ирина,

Ты греческое носишь имя,

А значит, можешь кое-что понять...

Я знаю, что тебя

одни сомненья гложут... –

Мы, с нашей стороны,

все видим, как и что...

И хоть земля не раз сменила кожу,

Людей всегда волнует всех одно:

Всегда влечет за край земной юдоли

Туда, откуда нет возврата боле –

Познать взаимосвязь идей с вещами,

О чем уста Сократа Федру провешали,
Что души ждет в их странствии
 меж звёзд, –
Расчет был верен, но метапсихоз...

И здесь возникший ум наш повернул,
Забыл Сократ, а я не зачеркнул...

Постскриптум

Да, я хотел сказать тебе о важном...
Мир – иллюзорен, кто об этом знал?!
Заботясь о спасении сограждан,
Я государство славное создал

В своем воображении. Такое,
Что души всех освободит от гноя
Страстей, сих призрачных теней, –
Из тьмы пещеры к свету поскорей!

Когда бы знал, что явится Спаситель!
Он – все: и свет, и жизнь, и та обитель,
Которой государство не нужно!
И лишь спастись желание важно!

Πλάτων

От Вольтера

Сударыня! Целую ваши ручки! –
Меня простите за старинный слог, –
Их целовать хотел бы, да не мог,
Как и держать перо иль, как их, – ручки?!
Теперь я плачу, дань плачу чертям, –
Я обречен прислуживать им там...
Мой подражатель – русский гений,
Ваш Пушкин, счастливей меня:
Он отбыл в лучшие края, –
Знать, вера выше песнопений!
Или Бог русских так силён...
Его вы знаете, поэтам шлет поклон...
Но не об этом я... Как заболтался...
А в главном так и не признался!
Мадам,
целую ручки вам...

Voltaire

Письмо второе

Каким я стал, как изменился я!
И даже письма шлю я не к царице:
Их нет в России – помогли друзья! –
Будь жив, я мог бы тем гордиться,
Что руку приложил к тому не зря!!!
О Боже, виноват! Прости меня!
Ведь ходит в гости царская семья
С немым укором вокруг меня садится
И смотрит, смотрит, плача на меня!
Король простил, да на кого сердиться? –
Я так наказан! Слышите, Ирэн,
Бегите вы от всяких перемен...
И пуще ока, даже в крепком сне
Храните власть в своей родной стране...

Voltaire

От простого учителя из Швейцарии

... вы грешника послушайте, Ирина,
Я буду в этой исповеди краток,
Когда-то, выражаясь слишком длинно,
Я слезы собирал с людей в задаток.

Я жаждал правды, сея всюду лжу,
Я о добре читал нравоученья, –
А собственных детей, – какой ажур, –
Отдал в приют на чье-то попечение...

Естественное право, право, – чушь,
Я это понял, как заехал в глушь!
Послушайте, Вам говорит Жан Жак
Ни чувствам, ни словам не верьте, врак...

Jean-Jacques Rousseau

Пожелание Гёте

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
И хоть достойное нашел им воплощенье,
Оно теперь мне ставится в укор.

Мой гениальный Фауст, альтер эго,
Против меня свидетельствует эрго...

Всегда меня переступить влекло
За грань земных дозволенных пределов, –
Буквы закона обойти легко,
Презреть мораль тупых своих знакомых,

Сих суеверных божьих простецов,
Затравленных заветами отцов...
Да, ближе мне

мой Мефистофель славный,
В мистерии противник Бога главный.

Теперь я неразлучен с ним.
Одним желаньем я брожу томим:

Познания вселенского огня –
Се Божье бытие уж без меня!

А вы, дитя, не стойте на пути,
Прошу, в другую сторону, идти.

Gete Iogann Volfgang Fon

Истина

На что опереться, скитаясь по свету,
по скользким путям, что ведут в никуда,
тому, кто познания жаждет до дна...
Цепляюсь за звезды, а оных уж нету
В том месте, откуда их света ждала.

И все ненадежно, обманно-коварно –
Улыбка любимой и друга рука...
И дом может рухнуть как будто случайно
от взгляда косого и звука звонка!

Да, все относительно, друг мой, покуда
к Вам вера не явится вдруг ниоткуда,
что истина есть и притом лишь одна!

Аноним

Кипящий чайник

Вот это выдал мой премудрый комп!
Что это – аномалия иль чудо?
А может, НЛО? Какой Иуда
Мне продал этот распроклятый лом!

Придется детектива нанимать,
Чтоб выявить писавших мне прописки...
Убьют из-за угла... и как узнать,
Зачем отправлены их странные записки?

Они меня затягивают в секту,
Несносные Жан-Жаки... Гё-тэ,
Хотя бы намекнули по секрету,
Что вербовать намерены гетер...

Но мне на что такая кабала?
Вы, слышите, проклятые масоны!
До лампочки мне ваша Каббала
И ваши несусветные резоны.

В окно, в окно проклятый этот комп,
За ним туда же этот телефон!!!

АЖ, ЧТО НАДЕЛАЛ ТЫ, ПОЭТ...

«Никакой слуга не может
служить двум господам...»
(Лук. 16: 9–16)

Письмо к изгнаннику

*...и продали Иосифа Измаильтянам
за двадцать сребренников*

Бытие 37 25-38 13

Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем.

Он в сражениях империю прославил.

Сколько раз могли убить, а умер старцем.

Даже здесь не существует, Постум, Правил.

И. Бродский

Здравствуй, дорогой наш брат Иосиф,
Ты не зря пророчил перемены, –
С той поры, как минула та осень,
Изменились краски во вселенной...

Пишешь, что живешь, ничем не мучась,
Что «не нужно лебезить и торопиться», –
Скольким здесь завидна твоя участь:
И не гонят, а горят желаньем смыться!

Что продажность жалкой потаскухи,
О которой ты забыть, увы, не волен, –

Тут страной торгуют – и все сухи,
И народ по-прежнему безмолвен.

Кто травил тебя, Иосиф, сам отравлен,
И безумство, вид приняв Ликурга,
Правит бал. (У случая нет правил,
Но невольно прозреваешь демиурга!).

Вся страна в разрухе, а столица
Иностранцами полна, и толпы нищих...
Разум – буриданова ослица,
А блаженного осла никто уже не ищет!

Брат Иосиф, где же божья милость?
Где библейский дух прощения и света?
Притча об Иосифе забылась...
Сам Господь остался без ответа.

«Свободы сеятель пустынный»

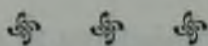
А.И. Солженицыну

И новый сеятель посмеет
На камень обратить свой труд, –
Стараясь семя в нём посеять,
И ждать, когда ростки взойдут!

.....
Посев взошел – рабы воспряли,
И каплей правды мир спасен!
Но что ж ты, сеятель, смущен? –
Не залежались семена ли?
И твой напрасен труд всегда ли?

Не нужно ни чудес, ни неба,
Им зрелищ острых – не молитв!
С земной неправдой не до битв,
Когда останешься без хлеба.

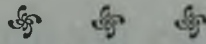
.....
И вторить хочется вослед:
«Паситесь, мирные народы»:
Ничто не изменит природы, –
Ах, что наделал Ты, Поэт!

И ропщет раб:
У Бога
Власть убога, –
Я буду рад –
Хозяину – в морду.
Народу – свободу!
Свободу – тебе!
Свободу – жене!
Свободу – тле!
Свободу – вше!
Свободу – вору!
Свободу – мору!
И *s'il vous plait**,
Свободу – сопле!

Не плачь, сопля, что не выросла,
а плачь, что воли не вынесла!

* *s'il vous plait* – фр. [силь ву плé] – пожалуйста.

NN

Не ходил в казино и другие места,
Там где жизнь и крута и лиха,
Но при том никогда не носил он креста,
Он решил, что и так
можно жить без греха –

Проживет он легко без Христа!

Он на дев не глядел – он жену обожал,
И на службу ходил, словно в храм,
Его ум был – кинжал!

Им он всех поражал,
И гордился он тем, что не Хам!

Он и сам без Христа – Авраам!

И во всем красота, и во всем чистота,
И он всюду любим и вхож!
Ведь его голова – это знаний тома,
А какие слова, – так хорош!

(А на Бога Христос не похож!)

Отошла суета, и пришел сатана
И сказал: «Наконец-то мой, брат!
Ты был верный мне раб!
Тебя ждет уж зла-тая страна!»

Без Христа она, друг, сторона!

Поэту-современнику

Кто пьет на брудершафт с богами,
Тот баловень самой судьбы,
И все дороги и пути
Его ведут к бессмертью сами.

И вот смотрю на твой портрет,
А слезы почему-то душат:
Зачем, отзывчивый поэт,
Ты продаешь за славу душу?

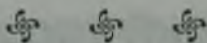
Обманиваясь вновь и вновь,
Мечтаешь, как мечтают дети,
О том, что на твою любовь
Тебе взаимностью ответят.

Русский писатель

Н.И.К.

Живет по старинке писатель сегодня:
Пером и чернилами правя строку.
Он в клубы не ходит, машин не заводит,
Не едет в Париж, чтоб развеять тоску...

Копаясь прилежно в своем огороде,
Он вырастит овощ на зависть друзьям –
Который шедевром окрестят в народе,
В Париж привезут, чтоб скопировать там.

Среди толпы чужой и темной
Ты был мне – книжный идеал,
И этот мир серо-нескромной
Тебя к себе не принимал.

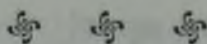
И впрямь, как медвежеподобен,
Как неуместно странен ты,
И как громоздко неудобен
Ты для квартирной высоты!

Как не летать небесной силе
В краях подводных, в глубине,
Так и твои тяжелы крыле –
Ты гость случайный на земле.

И потому вдали сраженья
С земною косною судьбой:
Победы ль будут, пораженья? –
Но, как в стихах: «И вечный бой...»

Как страшно, друг!

Сбежать бы в детство, –
В звучащий сладко твой рассказ –
В старозаветный, старосветский
В провинциально-тихий час.

Д.А.М.

Черно-синие зимние тени из окон
Наплывают –
 и день народившийся меркнет...
И свечного огарка мерцающий кокон...
Гонит мрак, будто
 в давнем и праведном, веке.

Как попал ты сюда –
 в мир уснувших, застывших,
Цифр бездушных
 и снежно-пустынных событий,
И сограждан беспамятных,
 землю забывших,
Чем согреться
 в искусственно-созданном быте?!

И одно остается – сбежать и закрыться
От навязчивых дел, что вокруг ворохами.
Согревать свою душу –
 молиться, молиться,
И, оттаяв, пролиться слезами-стихами...

Ю.И.Р.

Когда лист чистый, белоснежный
Внимал моим страстям земным,
С небес являлся ангел снежный
Унять пожар, рассеять дым.

И устремляясь в мир чудесный,
Искала истины я твердь,
Чтобы отблеск звуков поднебесных
В своих стихах запечатлеть.

Но Промысла рукою твердой
Мир изменился на иной,
И вместо белых крыльев – гордый
Сонм темных духов надо мной!

Ужель старания ничтожны
И замыслов чудесный сад
Лишь только воплотится – Боже! –
Ведет прямой дорогой в ад!

Дуэли

Дуэли,

Дуэли,

Дуэли...

В метели,

дожди, жару...

К снежной постели

Мы не успели –

Ой, не к добру!

Веками на помощь бегу

По следу,

по слуху,

Хватило бы духу

На том берегу...

Дуэли,

Дуэли...

Дуло и дым:

Отдана дань

дамам и дням –

и многим другим...

Вот она, грань!

Дуэли,

дуэли,

дуэли...

Два секунданта, шаги...

День покачнулся на древней качели:

«Дети.

Не отдал долги...

Как тошно...»

Губы дрожат у друзей,

Кровит на снегу морошка.

Дантесы всегда у цели,

Лишь я опоздала немножко...

Москва. Марина. Как давно
С тобой мы мерили проулки
сквозные, торопясь в кино,
Стучали каблуками гулко.

Оставивши Тмутаракань,
О славе грезили и счастье:
Любые временны ненастья
И чудом разрешится брань...

Стоит Москва, как и всегда,
А ты во Сергиевом Посаде,
Да во церковной спишь ограде
И видишь, как шумит Москва...

ЕСЛИ ДУШУ ОХВАТИЛА ДРОЖЬ...

«Вы – соль земли. Если же соль потеряет
силу, то чем сделаешь ее соленою?
Она уже ни к чему негодна, как разве
выбросить ее вон на поприще людям»
(Матфея. 5: 3–5)

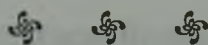
Молвила брату сестрица:
«Ваня, не пей из копытца!»
Молила Ивана Марья:
«Не тронь только горницу дальнюю!»
Велел Бог Адаму: «Дети!
В саду сем пребудьте веки –
Не трогайте дерево смерти, –
Познав его, станете смертны!»

Ослушался братец сестрицы,
Испил он студеной водицы –
Запрыгал козленком, заблеял:
«Аленушка, что я наделал!»
Иван не послушался Марью –
Открыл он ту комнату дальнюю –
На горе себе Кощея
Он отпустил, жалея.

Яблоко съела дева,
Адам искусился Евой,
И Бог их прогнал из рая:
«Свет познавайте, сгорая!»

Но в сказке герой воспрянет:
Вновь облик вернется Ване,
Царевич Иван Кощея,
Конечно же, одолеет.

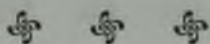
А я все книги листаю –
С древа того ль – не знаю:
Познания сладок яд:
И рай в нем сокрыт, и ад.

Напоешь ты землю
 медом горько-зеленым,
Ты – медаль,
 что гордится двумя сторонами,
Как лукаво ты даришь
 надежды влюбленным,
Как играешь, смеясь,
 их слепыми сердцами!

Сеешь страх
 и мешаешь уснуть суеверу...
Не вставай в изголовье у спящего мужа,
В мою дочку не целься –
 ей дар твой не нужен.
Я на голову нимб от тебя не примерю.

Я безлунья дождусь – и выйду из дому,
И на ощупь приму
 млечный путь за дорогу,
Обойду твой бесовский,
 магический омут,
Чтобы душу отдать одному только Богу.

Высота неведомого свода,
И окрест ликующая мгла:
Вот она, желанная свобода –
Ни тепла родного, ни угла!

Разве где-нибудь еще на этом свете
Ноша есть блаженной ноши той? –
Здравствуй, брат мой, непутевый ветер,
Погуляем в поле мы с тобой!

И пускай не ждет своей подруги
В горьком доме сладостная ложь,
Если сердце подхватили вьюги,
Если душу охватила дрожь...

Неужели мы с тобою стали стары, –
Для чего, скажи, воспоминанья? –
В смутном сне оставленные чары,
И тревожный хаос подсознания...

А быть может, было всё не с нами? –
Так давно, что упускаю что-то...
Вот мы дома, а на этом фото
Вид с окна – он так же в Лету канет...

Все события смешались в хороводе,
Окружив нас, и куда-то всё несется...
Соломон изрек однажды:
«Все проходит!» –
Я не верю – что-то все же остается.

Хорошо бы дом купить,
Но на это денег нету,
Вот и бродим мы по свету,
Ищем, где бы нам прожить...

Бесприютен мир и пуст
Для того, кто прост собою,
Нет в нем места нам с тобою,
Под ногами снега хруст.

Подождем пока еще –
На земле не будет места –
Может, примет Царь Небесный,
И Он там нам даст жилье...

Вот тяжелые двери современного храма
Открываю, как будто бы древнюю книгу,
И в прошедшие леты вхожу осторожно:
Там читают часы, как прежде, все те же
Голосами далекими нужд и успехов.

И незримо для всех

там стоят средь знакомых
В драгоценных уборах цари и царицы.
А когда вынимает священник частицы,
В золотом алтаре, поминая усопших,
Они вместе со всеми поют «Аллилуйя!»
Потому что нет мертвых:

все живы на небе,

Потому что с Христом

мы проходим сквозь время!

И над нами тогда парят херувимы,

И житейское чуждо нам попеченье...

Обратная перспектива

Перевернутый мир отражают иконы:
Золотые просторы в них странно близки:
И глаза у святых безмятежно спокойны,
А ведь многих из них на мученья влекли!

Там живут по иным абсолютным законам:
Поношенья, побои, принимая за честь,
И бегут похвалы, и дают незнакомым
Все последнее, что за душою ни есть.

Отвергая соблазны пустого кумира,
Деньги, славу и к власти кривые пути,
Жить в миру, отрешившись от этого мира,
Чтобы душу для жизни грядущей спасти.

Отцу

Куда ушел, и где душа твоя?
Мытарствуя, минует ли потёмки?
И держит ангел ли тебя за пояс тонкий
Несут молитвы ль в светлые края?

Ты вел всегда нас смело через тьму...
Но вот шагнул за грань ее впервые,
Мы без тебя стоим от слез слепые:
Дорогу, верно, торишь нам к Нему!..

Имеет ли свой цвет и вкус
земная суета? –
Людская сутолока и бешеная гонка
за временем?..
Из дома выйдешь и всегда забудешь
что-нибудь
Не знаешь никогда, каким оттенком
заблестят глаза
У неприятностей
меж бледных коридоров...
У всех деревьев
серые стволы и листья серые,
Такие ж, как дорога,
ведущая всегда
В одну и ту же сторону...

Ю.С.

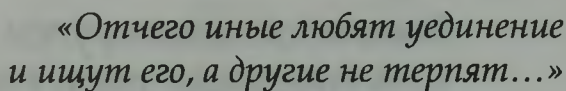
Ты ушел, и теперь я тебе не смогу
никогда позвонить...
Никогда. И позвать ко столу
и сказать на прощанье:
Дочь была очень глупой,
ее бесполезно винить –
Упорхнула голубкой,
оставив одни обещанья...
Беспощадно звучат
уходящие эти шаги,
Одиночество кутает их,
словно вата,
Если б можно вернуть,
чтоб сказать: «Ты прости,
Только я лишь одна
и во всем виновата!»

Уйдем от соблазнов:
От сказочных красок,
 сияющих в окнах, –
То образ страстей,
 безобразных, бесплотных.
Уйдем от прилавков скорее китайских,
От дорогих бутиков на пути,
Всего все равно, дорогой, не купить...
А копить
 не стоит вообще:
Все мирское вотще...

Уйдем от соблазнов:
Ироний всегдашних,
 не нужно сарказмов,
Живущих на башни,
 на вавилонской у самого неба –
Уж лучше просить на паперти хлеба...
Просить и прощать всех
 без всяких причин...
Однако, как труден подобный почин.

Уйдем от соблазнов:
Вот так вот все разом –
От разговоров пленительно-праздных
От теле-...
и прочих приятностей разных...
Бежим, а не то наших душ
не спасти,
Готов ли сказать ты мирскому
«прости»?
А я не готова. Прости.

Нет, в суете мы тишины не ценим:
Гремят-звонят земные наши цепи...
И мы не слышим: друг наш при двери.
Он с нашей совестью о чем-то говорит.

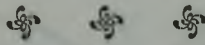
Но нам не нужен друг –
 не вовремя пришел:
У нас дела, у нас... все очень хорошо
И знать мы не хотим о Высшем Судии,
Потом когда-нибудь, и лучше не ходи...

А для того, кому есть Бог – любовь,
Тот сам бежит от шума городского,
Он слышит о призвании сынов
И для него открыто Слово.

Рождество

Бесы носятся по кругу,
Весь сочельник топчут снег,
Зазывая в гости вьюгу,
Оставляя грязный след.

Ветер воет, вьюга злится,
И нещадно холод жжет.
Но Иисус Христос рождается, –
К нашим душам путь найдет.

Наверное, мы все, как тот Улисс,
Стремимся в дом, что называют
Вечность, –
С рождения спускаясь только вниз
По лестнице, ведущей прямо
в Млечность...

В стране, откуда воды не текут,
И ветры вспять откуда не уносят,
Где наши праотцы нас тихо ждут
И нежная свирель о чем-то просит.

Играй свирель – ветер перестанет выть,
Река Забыть пусть успокоит воды –
Земную жизнь не просто разлюбить –
Как самолеты, пролетают годы...

Гляжу, как звезды гаснут поутру,
Их разглядеть бессмысленно пытаюсь,
И об ушедших плачу и печалюсь,
Хоть живы, и сама я – не умру!

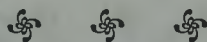
Здесь – обещанье
Ушедшего лета!
Здесь – предвещанье
Грядущего света.

Здесь – только стремленье,
Там – вечный предел
Здесь – только терпенье...
Там – мирный удел.

Сердце сокрушенно и смиренно
Бог не унижит.
Псалом 50

Ищите прежде Царства Божия
и правды его, и это все приложится вам
(Мф. 6: 33)

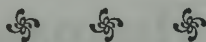

Д.З.

Еще снег не сошел и чернеет,
Днем капель – гололед по утрам,
Но заботливей солнышко греет,
Значит, скоро конец холодам!

Значит, будет веселье в апреле,
Будет май и июнь, как во сне,
Родилась ты не зря, в самом деле,
Долгожданная весть о весне!

И пускай суетится и плачет
Ветер северный, встав на пути –
Родилась наша девочка – значит:
Будут теплые дни впереди!

Ты, Москва, не ждешь меня, конечно, –
Много самозванцев на Руси
Обивают ноги о крылечко,
Но меня, незваную,пусти!

Электрички мчатся до конечной.
Я же в бесконечность с ними мчусь.
Тают в небе купола, как свечи,
И молитвы излетают с уст.

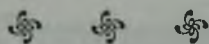
Потому что все, что человечно,
Что люблю и чем всегда горжусь, –
Вобрала ты все в свое колечко.
Как колечко, бесконечна Русь!

Вере Николаевне Аношкиной

Когда о Вас моя молитва,
Мне не ответствует толпа:
Незрима ангелов тропа,
Она с небесной синью слита.

Но ангелом мне были Вы,
Когда пробили час куранты, –
Вели, будто Вергилий Данте,
Не слушая людской молвы.

Вот и сейчас идете Вы
Над пропастью сует и злобы,
Людские сокрушив хворобы,
Слегка касаясь лишь земли.

Какое чудо эти зимы:
И свет, и блеск, и чистота,
И этот воздух тайно-синий,
И праздно-белые снега.

И даже холод – дух надмирный
Нас испытует и ведет,
Как будто шаг – и ангел смиренный
Тебе обитель распахнет.

Это царство люблю несказанное,
Эту жесткую власть без властителя,
Эту странную страсть бесстрастную
Красоту ослепительно-чистую...

Светит снег под луной таинственно,
И сверкает, и рассыпается...
Звездопад из снежинок искренних
В бесконечности растворяется...

Странник

Дом оставив, шел крестьянин долго
Посмотреть на Радонежского старца,
Позади остались Дон и Волга,
До обители еще-то дён двенадцать.

Вот до места он с трудом добрался
И хотел увидеть чудо тотчас,
Но, взглянувши, странник рассмеялся:
«Видно, бес меня решил морочить:

Нищих и бродяг я навидался
(Как еще живым сюда добрался)!
Да неужли этот-то убогой
Заслужил любовь и милость Бога?

Сей простак – и храма основатель? –
Что в земле копается некстати?!
Кто сподвигнул Дмитрия на битву?
Кто творил победную молитву?

В ком видал преемника Алексей?! –
Лучше б провалиться мне на месте!
И о нем идет такая слава! –
Нет! Для этого годится лишь канава!»

Вот труды окончив в огороде,
Отче пот отер с простого лица,
И ему навстречу по дороге
Со своей дружиной князь великой.

Князь, убогого завидев, в ноги прямо
Пал, прося одно благословенье,
По кустам рассыпались, по ямам
Драгоценные его камни...

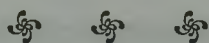
Догадался странник: «Сей есть Сергей! –
Видно, бес мне очи отуманил!».
И упал, сраженный, на колени,
С полными раскаянья словами:

«Отче Сергей! Пощади за дерзость:
Не признал тебя я поначалу –
За одеждой не заметим мерзость,
А души за наготой не чаем!

Думал, что смиренней всех на свете
Только Бог, а ты – воображаешь...».

Улыбнулся старец и ответил:

«Обо мне один ты правду знаешь».

*Настоятелю храма
во имя Георгия Победоносца
в Абхазии о. Сергию*

У моря, у Черного моря –
Вдали от роскошного мира
Древний стоит Илори,
А рядом с ним – Очамчира...

В абхазских домах забытых
Гуляет ветер столетий,
Да бегают резвые дети
В руинах, плющом увитых.

Там, где стоит Илори,
Лагерь разбил когда-то
Победоносец Егорий...
Источник с тех пор благодатный
Струится с копья святого...

Илори, Илори, Илори,
Сердце мое устроил...

Там, в храме осьмого века,
Миро течет, как млеко.
И кипарисы, как свечи,
Там освещают вечность...

Илори, Илори, Илори,
Ты – лучше любого моря,
Ты – лучше любого дома.
В сердце стучишь любовно.

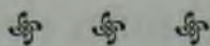

Сколько менялся пейзаж заоконный –
Но в памяти детства один:
Снежное поле под небом суконным,
Трубы за полем и дым.

И все пространство с лунною дрожью
Он превращает в едкую мглу,
Гонит прохожих по бездорожью.
Вижу: отец мой идет по нему...

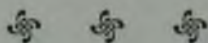
Вот он заходит за край Парашютки, –
Там, за пригорком, потише метель.
Он уже близко. Считая минутки,
Я у плиты завожу канитель.

Свет зажигаю. Гонимый из комнат,
Сумрак сливается с уличной мглой,
И пропадает пейзаж заоконный,
Чтоб навсегда оставаться со мной.

Во всем, что есть, есть смысл:
В простом сложенье числ,
В пустом полете звезд,
Упал ли тихий лист,
Иль взмыл он до небес.

Его ищу во всем,
Мой взгляд вотще скользит,
Но счастье, видно, в том,
Что этот смысл сокрыт...

Где низ и где верх – облака под ногами.
Где утро, где вечер – туман за бортом.
Мы входим из завтра в сегодня кругами,
Не зная законов пространств и времен.

Хабаровск – Москва. Я лечу, улетаю.
В окно самолета тоскливо смотрю:
Я маму и землю свою покидаю,
Где выросла я, и где я не умру...

И вот, растянувшись полоскою белой,
По небу с Амура до Лены, рукой
Урал обниму, и сосны не задену,
И слезы пролью над Москвою-рекой.

Я и там, я и тут – я почти невесома,
Парю в поднебесье, не зная, где я.
Как прежде в пути
 и как прежде бездомна,
Зато вся Россия – мама моя.

От автора

Думаю, многие не раз задавали себе вопрос: все ли правильно делают и говорят те или иные люди? Не живут ли они иллюзиями? Реже, конечно, касались себя: все ли правильно делаю и говорю я? Вообще по тому, как человек относится ко многим вещам: незначительное замечает, а главного не воспринимает — смотрит и не видит, можно судить о нем самом. Поэтому вопрос о художественной перспективе, казалось бы, предмете, необходимым только художникам, чертежникам и еще некоторым специалистам, оказывается важным для каждого. Разбираясь с явлением прямой перспективы, Павел Флоренский задает такой вопрос: «В самом ли деле перспектива, как на то притязают ее сторонники, выражает природу вещей и потому должна всегда и везде быть рассматриваема как безусловная предпосылка художественной правдивости?» Оказывается, якобы открытая художниками эпохи Возрождения,

перспектива была известна еще в V веке до Рождества Христова, но не имела доступа к высокому искусству далее прихожей. Обратная перспектива же, напротив, применялась в иконописи, поэтому перспективность или неперспективность живописи не может рассматриваться как нечто равносильное умелости или неумелости.

Мне запомнилась одна притча, рассказанная студентам при объяснении, что такое, эта обратная перспектива дьяконом Андреем Кураевым. Вкратце она звучит примерно так. Близ одного села жил отшельник. Однажды ученик отшельника пришел взволнованным и рассказал о том, что сейчас должны придти к ним в келью люди из села, потому что одна девица, собралась рожать и сказала, что отцом ее будущего ребенка является отшельник. Это известие старец воспринял спокойно и сказал: «Что ж, ничего страшного: сплетал в день корзину, теперь буду сплетать две». И когда к нему пришли с угрозами и проклятиями, он никого не разуверял, не говорил,

что ни в чем не виноват, но согласился кормить младенца. Когда же наступил срок родин, женщина, оклеветавшая отшельника, никак не могла разродиться. Отчаявшись и поняв, что ей такие муки по греху, она назвала имя истинного отца ее ребенка, и через некоторое время родила. Узнав про то, жители решили восстановить справедливость и отправились к отшельнику с покаянием. И снова молодой послушник сообщил о приходе селян в келью к старцу. Но реакция старца была иной, чем прежде. Он сказал: «Быстрее собирайся, мы уходим!» Получается, что принимать хулу, клевету, побои для истинно православного человека естественно, тогда как хвалу – противно душе. Тогда возникает вопрос: по тем ли законам живет весь наш мир? Наверное, мы все видим неправильно-перспективно, и соответственно этому видению, мы и живем не по-христиански.

Книга – попытка посмотреть на себя с другой стороны, а как это получилось, судить читателю.

Ирина Рябий

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Толстогозов. В сущности...</i>	4
<i>Димитрий Каплун. Ключ к смыслу</i>	7

Раскол

Когда от веры русской отреклись	12
Раскол	13
Сон золотой	14
Новые близятся сроки	16
Письмо Николаю Васильевичу Гоголю	17
Русскому рассеянию	18
Не пируют давно олимпийские боги	19
О, русская наша земля, разве ты за холмом?	20
Русский характер – крепость и крест	22
В сиянии лунном	23

В широте беспредельной	26
Марьюшкин крестик	27
Телесность	29
Не пришли избранники на пир... ..	30
В заботах о хлебе насущном... ..	31
Спят цари в усыпальницах древних... ..	32
Мы предали царя, – отрекся он от нас	33
Расти травой в лесу, бездумно созерцая... ..	34
Когда стою на службе в храме... ..	36
Как незаметна грань между вчера и завтра... ..	37
Октябрь наступил: не радостна картина... ..	38
Здесь каждый цвет не схож с цветком другим... ..	39
Что сделаю я?	40
Никогда никуда не уеду	41
Молитва	42

В угол

Мы сами загоняем себя в угол	44
Чтоб только не думать	45
Початимся мой друг, початимся... ..	46
Наследники беспамятных времен... ..	47
Нас время обмануло: как легко	48
О, если б мог, младенец, рассказал... ..	49
А если в том углу висит икона... ..	50
А что в итоге каждый понесет... ..	51
В этом мире разумном... ..	52

Мой электронный ящик

Чайниковы чаянья	54
Письмо к женщине, проживающей в стране гипербореев	56

Постскриптум	58
От Вольтера	59
Письмо второе	60
Письмо от простого учителя из Швейцарии	61
Пожелание Гете	62
Истина	64
Кипящий чайник	65
Вы, уважаемая дама (господин)	66

Ах, что наделал ты, поэт

Письмо к изгнаннику	68
«Свободы сеятель пустынный»	70
И ропщет раб... ..	71
Не ходил в казино и другие места... ..	72
Поэту-современнику	74
Русский писатель	75
Среди толпы чужой и темной	76

Черно-синие зимние тени из окон	78
Когда лист чистый, белоснежный	79
Дуэли	80
Москва. Марина. Как давно... ..	82

Если душу охватила дрожь...

Молвила брату сестрица	84
Хорошо бы дом купить... ..	86
Напоешь ты землю медом горько-зеленым... ..	87
Высота неведомого свода... ..	88
Неужели мы с тобою стали стары... ..	89
Вот тяжелые двери современного храма... ..	90
Обратная перспектива	91

Куда ушел, и где душа твоя?	92
Имеет ли свой цвет и вкус земная суета	93
Ты ушел, и теперь я тебе не смогу никогда позвонить... ..	94
Уйдем от соблазнов... ..	95
Нет, в суете мы тишины не ценим... ..	97
Рождество	98
Наверное, мы все, как тот Улисс... ..	99
Здесь лишь обещанье... ..	100

Теплые дни

Еще снег не сошел и чернеет	102
Ты, Москва, не ждешь меня, конечно	103
Учителю	104
Какое чудо эти зимы... ..	105

Это царство люблю несказанное...	106
Странник	107
У моря, у Черного моря...	110
Сколько менялся пейзаж заоконный	112
Во всем, что есть, есть смысл	113
Где низ и где верх – облака под ногами	114
<i>От автора</i>	115

Рябий И. Г.

Обратная перспектива

Сборник стихотворений

Верстка, макет — И. В. Булатов

Формат 60х90/32. Тираж 1000 экз. Заказ 118.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «ПК «Зауралье»,

640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

E-mail: zpress@zaural.ru; www.zpress.zaural.ru

75-00

095842012

Государственная библиотека Югры

